

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 479-490, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 904

The Life Support System of the Siberian Village Anan'ino in XVII–XVIII Centuries (Archaeological and Written Sources)

¹ Larisa V. Tataurova
² Anna A. Krikh

¹ Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Russian Federation
644077, 55a Mira ave., Omsk
Candidate of Historical Sciences, Associate professor
E-mail: li-sa65@mail.ru

² Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Russian Federation
644077, 55a Mira ave., Omsk
Candidate of Historical Sciences, Associate professor
E-mail: novoselovaa@rambler.ru

Abstract

In the Siberian studies the sustenance system of the Russian population has not yet become an object of special research. Some of its components have been studied by historians and ethnographers who based their reconstructions of sustenance systems on quite fragmentary archives of XVII–XVIII centuries. In the last quarter of the XX century the excavations of the New Age memorials expanded significantly, however the publications based of archeological material characterized only part of sustenance systems. Nevertheless, the archeological research allows for a new vision of life and household of the Russian Siberians. The author of the present article has attempted to reconstruct the sustenance system of the Russian Siberians of the XVII–XVIII centuries based on the correlation of archeological and written sources. One of the oldest countryside settlements in the south of Western Siberia – village Ananyino served as the research base. Archive materials allowed for tracing the emergence of the settlement and characterizing its population, their basic activities (the size and kind of tillage, hayfields, number of cattle and its composition at different owners). Archeological materials complement this data significantly due to paleozoological and carpological research. Moreover, the analysis of an impressive collection of artifacts, building the landscape model of the monument, the study of the constructions excavated allow for considering practically a complete complex of material culture and move to the reconstruction of the elements of spiritual culture of the population of the Ananyino settlement. Such complex research of the XVII-XVIII centuries' sustenance systems in Siberia has never been made.

Keywords: the Siberian Russians, archeology, written sources, the history of formation of the Ananyino settlement, sustenance system.

Введение

Заселение и освоение Сибири русскими в XVII в. стало началом формирования новой системы жизнеобеспечения на основе культурных традиций, принесенных переселенцами; опыта и знаний, полученных в процессе адаптации к природным, ландшафтным и климатическим условиям, заимствований некоторых элементов в культурах аборигенного населения. Это был динамичный процесс, завершившийся к концу XVIII в. Одним из его итогов стало складывание новой этнической группы русских сибиряков [1].

Объектом данного исследования стала система жизнеобеспечения сибирской деревни в XVII–XVIII вв. Предметом – русская деревня Ананьино, в Тарском районе Омской области, основанная в первой трети XVII в. и ныне уже не существующая.

Возможности современных междисциплинарных исследований позволяют существенно расширить источниковую базу для исторических реконструкций. На основе археологических и архивных материалов можно определить время и узнать историю появления деревни, археологический материал позволяет уточнить датировки и проследить пространственное развитие поселения, представить предметное наполнение системы жизнеобеспечения. Антропологические материалы дают возможность для демографических, биоархеологических реконструкций, а исследование генетического материала из погребений и взятого у современных потомков жителей деревни позволит проверить сведения по составу населения из письменных источников и выйти на реконструкции физического облика обитателей деревни XVIII в.

Материалы и методы

Материалом для работы послужили результаты археологического изучения и архивные изыскания по истории деревни Ананьино. Она располагалась в 15 километрах к юго-востоку от г. Тара на южном берегу одноименного озера, старицы р. Иртыш. С юга от озера с террасы спускается Пятая речка*, впадающая в речку Ананьевку, которая соединяет озеро с Иртышом. Русская деревня на Ананьином озере была основана поблизости от татарских юрт Рухлар (по-русски Верхние юрты), Речап, Аптиш и Атак [2].

Археологические исследования на комплексе Ананьино I (поселение и кладбище) начаты Л.В. Татауровой в 2005 г. К настоящему моменту раскопано 1260 м², из них на поселении 900 м². На раскопанной части поселения зафиксированы два усадебных комплекса*, вытянутых вдоль края берега озера по линии северо-восток – юго-запад, и разделенных проходом шириной 6 м, который обозначен с двух сторон частоколами. Комплекс в юго-западной части состоял из четырех изб-связей. Северо-восточная усадьба пока представлена одной избою-связью и частью, вероятно, крытого двора, застланного плахами. Из культурного слоя получено около 1500 находок, представительный керамический комплекс, палеозоологические, карпологические материалы, характеризующие различные элементы системы жизнеобеспечения. В работе использованы результаты применения методов естественных наук, типологий предметов, сравнительно-исторического анализа, определения палеозоологических и карпологических коллекций сделаны в Институте растений и животных УРО РАН.

Обсуждение

История Нового времени в Сибири, связанная с освоением ее русским населением, известна, в основном, по материалам письменных источников, которые, несмотря на большую информативность, оставляют без внимания многие аспекты жизнедеятельности. Это связано с тем, что в документы попадали сведения, касающиеся, в большей степени, политических и административных вопросов, таких как – обеспечение армии, снабжение Сибири хлебом, распределение земельных угодий, судопроизводство, налогообложение и пр. Накопление этих сведений было неравномерным для разных регионов Сибири. Исследователями архивные материалы XVII–XIX вв. преобразованы в этнографические источники, на основе которых подготовлены обобщающие работы, характеризующие период с XVII по начало XX в. [3; 4; 5; 6; 7; 8]. Однако и в этих работах, система жизнеобеспечения, рассмотрена частично в зависимости от имеющейся информации в письменных источниках.

Связано это с тем, что авторы исследований не обращались к археологическому материалу. С одной стороны потому, что к концу XX в. в Западной Сибири раскопками было изучено небольшое количество памятников (прежде всего городов и острогов), с другой стороны до середины 1990-х гг. археологически не было исследовано ни одного сельского поселения русских сибиряков. А ведь именно деревня является мерилем традиционности культуры для современных исследователей.

Жизнеобеспечение русских в Сибири, как система, на основе археологического источника практически не рассматривалась [9], хотя есть большое количество публикаций итогов археологических изысканий, где показаны отдельные части этой системы [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18].

Результаты

Социальная история и динамика фамильного состава д. Ананьино в XVII–XVIII вв.

Впервые в исторических источниках д. Ананьино упоминается в Дозорной книге Тарского у. 1623/24 г. В это время д. Ананьино состояла из трех дворов. Поблизости от деревни находились две заимки и одна наезжая пашня. Два двора принадлежали конному казаку Герасимко Иванову Попову и его сыну – пешему казаку Неупокойко Герасимову [19]. Г.И. Попов обрабатывал две пашни – «в

* Современное название этой речки произошло в результате искажения имени тарского подъячего Пятого Петрова, который в 1623/24 г. имел пашню «против Онаньиного озера за речкою Иртышом в бору на увале»: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 391. под именем «Пятова речка» она фигурирует в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 185-185 об.

* Усадьба, по мнению авторов, – это комплекс жилых и хозяйственных построек, ограниченных частоколом или забором, отделявшим владения разных хозяев.

лугу за Онаньиным озером» и «в другом месте против деревни на Таре на увале в бору», – под посевом было занято 5 четей и 18 четей перелога в трех полях («а в дву потому ж») [20]. Пашня Неупокойки Герасимова находилась на «увале в бору» и состояла из одной чети посева и семи четей перелога при наличии еще двух полей [21]. Неупокойко Геасимов стал основателем новой генеалогической ветви, отделившейся от Поповых*, с фамилией Неупокоевы.

Братья Герасимки Иванова Попова – тарские конные казаки Аврамка и Микитка, – имели «подле Онаньиного озера в лугу» наезжую пашню (две чети засеянной земли и 12 четей перелогу в трех полях), но проживал совместно во дворе, построенном на территории Тарского острога [22].

В третьем дворе д. Ананьиной проживала семья пешего казака Посничка Артемьева Поморца, которому также принадлежала одна из заимок в окрестностях Ананьиного озера [23]. Другая заимка была распахана пешим казаком Федкой Афанасьевым Крыловым и состояла из 18 четей перелога и сенных покосов на 300 копен [24].

Таким образом, на берегу Ананьиного озера поселились сослуживцы – пешие казаки Неупокойко Герасимов, Посничко Артемьев Поморец и Федка Афанасьев Крылов, – и их родственники (отец Неупокойки Герасимова – конный казак Герасимко Иванов Попов). Судя по наличию заимок, к моменту составления дозора 1623/24 г. д. Ананьиная расширялась.

Ананьевские луга, облюбованные пешими казаками, привлекли внимание их нового атамана – Степана Афанасьева Скуратова, – который в 1638 г. получил по челобитной сенные покосы в лугу аялыньских татар Верхних юрт. Владение этими покосами было подтверждено потомками атамана Степана Скуратова в 1677 г. и внесено в Дозорную книгу 1701 г. [25].

На протяжении XVII в. население д. Ананьиной росло медленно: в деревне появились только две новые фамилии – Мосеевы и Скуратовы, связанные узами родства: внук атамана Степана Скуратова – Григорий, служивший рейтаром в 1670-х гг., – был женат на представительнице стрелецкого клана Мосеевых. В начале XVIII в. в д. Ананьиной проживал рейтарский сын Бориско Григорьев Скуратов, владевший, как и его предки, сенными покосами на сто копен на берегу озера. Собственных пашенных угодий Борис Скуратов не имел, поэтому обрабатывал поле в одну десятину на земле своего дяди стрелецкого сына Микитки Мосеева [26]. Вскоре, между 1701 и 1747 гг., из Тары в д. Ананьину переезжают братья Бориса Григорьева Скуратова – Осип, Иван и Петр, – а позднее к ним присоединяется еще один брат – Федор. На казачью службу они не были поверстаны, поэтому в переписях населения 1747 г. и 1763 г. были записаны разночинцами [27].

К моменту проведения второй ревизии населения России, проходившей в Тарском уезде в 1747 г., самым крупным семейным кланом в д. Ананьиной стали Неупокоевы, представленные пятью семьями (26 чел. м.п.), вторым по значимости являлся клан Скуратовых, состоящий из четырех семей (14 чел. м.п.) [28]. К 1747 г. население деревни увеличилось за счет причисления к д. Ананьиной бывших тарских служилых людей, вывезенных из Джунгарии во время размена полоном. В плен к джунгарам тарчане попали в 1716 г. «во время Ямышевской баталии», а после возвращения в Россию, при проведении ревизии, они были причислены в разночинцы. Среди вырученных пленников оказался уроженец д. Ананьиной Иван Иванов сын Попов (1692–1755), чей брат – Степан, – по-прежнему проживал с семьей в родной деревне. После освобождения из плена Иван Попов вернулся в д. Ананьину, где вместе с ним поселились и другие бывшие пленники джунгар со своими семьями (всего 17 чел. м.п.) [29]. Причем это были уроженцы деревень, расположенных неподалеку от д. Ананьиной и родственники бывших военнопленных по-прежнему проживали в с. Усть-Тарском (Масловы и Фроловы), д. Евгациной (Евгацины) и д. Мешковой (Чинянины). К моменту проведения ревизии населения 1763 г. в д. Ананьиной поселяется ещё несколько уроженцев д. Евгациной – это отставной казак (Евгачин) и казачьи дети, признанные неспособными к воинской службе (Кучюмов и Горшков) [30].

Между 1747 и 1763 гг. в д. Ананьиной поселился еще один бывший пленный, но уже «кыргызского владельца», Василий Козьмин сын Копейкин (1702 г.р.), который, будучи в возрасте 61 года, был женат на Степаниде Васильевой 28-ми лет и имел трех сыновей (в возрасте от одного года до четырех лет), рожденных после его возвращения из плена [31]. Семьи бывших пленных так и не смогли прижиться в д. Ананьиной и к 1782 г. они исчезают из состава жителей этого населенного пункта.

В дальнейшем, вплоть до разъезда деревни, сохраняется тенденция использования д. Ананьиной для поселения в ней маргинальных групп. Так, в 1760-х гг. в деревню была водворена группа поселщиков из д. Чекруши, семь человек из которых, к 1771 г. были отданы в рекруты [32]. В 1850-х гг. в деревню причислили группу «поселенческих детей» (9 м.п. и 6 ж.п.) [33]. Большинство насильно поселенных жителей надолго в деревне не задерживались и, будучи зафиксированными в материалах одной переписи, их следы терялись к моменту проведения следующей ревизии населения.

* Иван Попов стал родоначальником двух семейных кланов, широко расселившихся в Тарском Прииртышье, Неупокоевых и Уразовых

В середине 1780-х гг. временно в д. Ананьиной проживало три семьи старообрядцев из г. Ишима [34], решивших поселиться в тарских урманах. Они основавшие д. Ишимку в последствии получившую современное название Сыщиково. Именно в д. Сыщиково на рубеже XVIII–XIX вв. начнут перебираться представители семейства Скуратовых.

Не смотря на сложную переселенческую историю д. Ананьино, когда на протяжении XVIII в. здесь пытались обосноваться представители 28 различных фамилий, основным населением являлись семьи старожилов, происходившие от тарских стрельцов Поповых, Неупокоевых, Мосеевых и Скуратовых. На протяжении XVIII в. численность старожильческих семей стабильно составляла более 70 % от общего населения деревни. По материалам ревизий населения XVIII–XIX вв. можно проследить динамику фамильно-семейного состава старожильского населения д. Ананьино (Таб. 1).

В первой половине XVIII в. самым разросшимся кланом д. Ананьино были Неупокоевы: согласно данным переписи населения 1763 г. в четырех семьях, носивших эту фамилию, было объединено 66 человек обоего пола (в среднем 16,5 человек в семье) [35], что составляло 44 % населения деревни. Однако между ревизиями 1763 г. и 1782 г. Неупокоевы начинают разъезжаться из Ананьино, переселяясь как в крупные населенные пункты (с. Логиново, с. Усть-Тарское, д. Большерецкую), так и в небольшие деревни (Колбышево, Могильно-Старожильскую, Черняеву, Кореневу, Заливину).

Таблица 1

Динамика численности старожильческих семей д. Ананьино в XVIII – первой половине XIX вв.

Год	Количественные показатели	Фамилии				
		Мосеевы	Неупокоевы	Поповы	Скуратовы	Всего
1701 г.	Количество семей	3	4	1	1	9
	Населения обоего пола	6	11	3	1	21
	Процент от общего количества населения деревни	29	52	14	5	100
1782 г.	Количество семей	2	3	-	3	8
	Населения обоего пола	13	32	1	44	90
	Процент от общего количества населения деревни	11	26	1	36	74
1801 г.	Количество семей	1	4	-	6	11
	Населения обоего пола	9	31	-	43	83
	Процент от общего количества населения деревни	7	24	-	41	72
1858 г.	Количество семей	-	-	-	1	1
	Населения обоего пола	-	-	-	7	7
	Процент от общего количества населения деревни	-	-	-	12	12

В связи с переездом Неупокоевых в другие деревни Тарского Прииртышья, к началу 80-х гг. XVIII в. процентное соотношение между старожильческими родами в д. Ананьино изменилось в пользу Скуратовых (Табл. 1) и уже в начале XIX в. 41 % населения деревни являлись носителями этой фамилии. Средняя людность в семьях Скуратовых в начале XIX в. составила 8,8 человек [36].

Несмотря на то, что Скуратовы цепко держались за родные места, тенденция к разъезду деревни четко обозначилась к началу XIX в. Еще в 1787 г. д. Ананьино состояла из 27 дворов с населением 127 человек обоого пола (в среднем 6 человек на один двор), в 1801 г. поселение состояло уже из 15 домов с населением 131 человек обоого пола [37]. В начале XIX в. деревню окончательно покидают Мосеевы, которые перебираются в населенные пункты, расположенные на правом берегу Иртыша – в Евагацино, Заливино и Шуево. В 1828 г. из деревни уезжает последняя семья Неупокоевых, переселившись к родственникам в д. Заливино [38]. Из четырех старожильческих фамилий д. Ананьиной к концу 50-х гг. XIX в. сохранилась лишь фамилия Скуратовых, представленная в ревизии 1858 г. одной семьей, т.к. остальные перебрались в первой трети XIX в. в с. Усть-Тарское и д. Сыщикову [39].

В 1850 г. в д. Ананьино проживало всего четыре семьи или 24 человека обоого пола [40], но и спустя 18 лет, в 1868–1869 гг. деревня состояла из трех дворов, в которых проживало 27 человек [41]. Окончательная дата разъезда деревни не известна, но к моменту проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. д. Ананьиной уже не существовало.

Система жизнеобеспечения деревни Ананьино.

Раскопанные усадебные комплексы по находкам монет относятся ко второй половине XVIII в. (крайние даты 1739–1793 гг.) – периоду, когда в деревни проживало максимальное количество населения со сложившейся системой жизнеобеспечения.

Основой этой системы является жилище. Археологические материалы свидетельствуют, что жилые комплексы имели развитую структуру и представляли собой многокамерное (изба-сени-клеть), большое по площади (до 60 м²) жилище. О.Н. Шелегина считает, что такие дома были у богатых крестьян и в них жили семьи из 10 и более человек [42]. Это согласуется и с архивными данными. Как указано выше, в середине XVIII в. в семьях Неупокоевых в среднем было по 16,5 человек и представители этого рода составляли 44% всех жителей деревни. Археологический материал свидетельствует о зажиточности владельцев раскопанных усадеб. Найдены фрагменты китайского фарфора, стеклянных штофов, флаконов, шаров-игрушек, большого количества монет, бус [43]. Обязательным элементом трехчастного жилища-связи в Ананьино был неглубокий подпол. Особенностью можно считать отсутствие подклета. Внутренняя планиграфия соответствует севернорусской традиции с глинобитной печью справа от входа. Печи были средних размеров примерно 200х150 см.

Для строительства домов использовали хвойные породы дерева и все известные способы разделки бревен [44], а так же разные строительные приемы: венцы стен соединяли в «набирку», в угол, используя пазы в чашу, в лапу, в «обло». Есть примеры комбинирования разных приемов в строительстве одного жилища. Окна и двери были косячные, найден фрагмент наличника, в оконницы вставляли слюду, полы сделаны из широких (до 60 см) плах. Двери закрывали на щеколды и навесные замки (обнаружено два разных типов), от которых найдены ключи разных размеров. Усадьбы огораживались частоколами и имели ворота, от которых сохранились навесы.

Строительный инструментарий представлен находками скобеля для ошкуживания бревен, двух видов черты для разметки продольного паза, стамески, деревянных лопаток для подбивания мха в пазы. Ямы под столбы копали деревянными лопатами с железным наконечником. Использовали разного размера шпильки, скобы и гвозди. В интерьере домов присутствовали сундуки, от которых сохранились фигурные детали металлической обивки, замки. Освещались жилища с помощью лучин, о чем свидетельствуют светцы разных типов: одно-лучинные, которые были распространены на Руси в XIII в., и двух-лучинные [45].

С жилищем и обеспечением жизненных потребностей связана система питания и домашняя утварь, необходимая для приготовления пищи, а также костюмный комплекс.

В коллекции памятника набор домашней утвари, прежде всего керамической, многообразен и представлен. Это посуда для приготовления пищи (горшки, сковороды, корчаги, латки и квашенки), посуда для хранения продуктов (жбаны, кубышки, кувшины, крынки), столовая посуда (миски, плошки, кружки, сливочники, солонки). Кроме глиняной, в употреблении была деревянная – чашки, ведра, бочки, ушаты – от которых сохранились клепки разных размеров берестяная посуда: туеса и короба. Использовали ананьинцы фарфоровую посуду: чайные чашки и заварники; стеклянные штофы. Отличительной от города чертой является незначительное количество металлической посуды – чугунок, сковород, – вероятно, они появляются в деревне позднее. Хотя материалы таможенных книг г. Тары начала XVIII в. свидетельствуют о привозе «железных сковород» тарскими казаками из Тобольска [46].

Представителен набор ножей разных типов и размеров. Для помещения посуды в печь использовали железные ухваты и чепельники. Ложки были деревянные, из-за особенностей культурного слоя в Ананьино они не зафиксированы, но широко представлены в слоях XVII–XVIII вв. в г. Таре.

Реконструировать костюмные комплексы сложно из-за небольшого количества текстильных образцов. Анализ имеющихся материалов показал, что одежду изготавливали из шерстяных и растительных тканей домашнего производства [47]. Использовали разные виды пуговиц:

гирьковидные, костяные и бронзовые в форме заклепок, полые штампованные с петелькой. В качестве аксессуаров употребляли бусы и подвески с бусинами или поделочным камнем. Кукрашениям тела относятся серьги, представленные в коллекции фрагментами. Предметами личного потребления, которые также можно отнести к аксессуарам, являются костяные гребни. В коллекции имеются односторонние гребенки, в том числе с фигурным оформлением верхней части, которые применяли для украшения прически, и двусторонние гребни с орнаментом в средней части. Еще одной деталью костюма, имеющей отношение к сфере духовной культуры, можно считать предметы личного благочестия – нательные кресты, зафиксированные в погребальном комплексе. Обувь представлена преимущественно чирками, хотя найдены кожаные многослойные наборные каблуки и металлические супинаторы, свидетельствующие о существовании обуви на каблучке (сапоги, туфли). В большом количестве представлены обувные и ременные пряжки.

Как видно из архивных документов первый этап формирования системы жизнеобеспечения был связан с освоением территории под пашни и сенокосы. С появлением здесь постоянного населения, кроме сельскохозяйственных угодий, активно начинают использоваться озерные и речные ресурсы и лесные богатства. В результате складывается комплексная система хозяйства.

Главной отраслью, конечно, было земледелие. Становление и развитие сибирской пашни на основе архивных документов описано в трудах отечественных историков [48; 49; 50; 51]. Письменные источники указывают на владения жителями Ананьино пашнями, землями под перелог и целиной. Археологические свидетельства представлены находками инвентаря: серпов, кос горбуш, карпологическими материалами из которых следует, что жители Ананьино выращивали овес и просо [52], свидетельства культивирования пшеницы и ржи не попали во взятые образцы культурного слоя памятника, но в письменных источниках такие данные имеются [53]. Косвенным свидетельством земледельческой направленности хозяйства является наличие половинок и фрагментов жерновов [54] и данные из письменных источников о мельнице на речке Пятовой.

Мельница была построена в 1698 г. и принадлежала конному казаку Семену Иванову Неупокоеву. Она предназначалась для личных нужд семейства Неупокоевых. Как сказано в описании мельниц Тарского уезда 1705 г.: «... а мелет он Семен на той своей мельнице всякого хлеба про свою домовую нужду четвертей по три и по семи в год в московскую меру, а постороннего молотья никогда хлеба не мольвал» [55]. Поскольку речка Пятова была мелка и летом пересыхала, а зимой насквозь промерзала, мельница работала лишь в весеннее время «наборною снежною водою». Мельница представляла собой плотину «... меж берегом три сажени, а к берегу стены две сажень, жернов двенадцати вершков» [56]. Всего же в Тарском уезде в начале XVIII в. было 8 мельниц, из которых шесть приносили доход и облагались налогом в пользу государства [57].

Второй важной отраслью хозяйства было скотоводство. По данным Дозорной книги Тарского у. 1701 г. три семьи Неупокоевых имели 6 лошадей, 7 коров, 5 овец; две семьи Моисеевых – 4 лошади, 4 коровы; в хозяйстве семьи Поповых насчитывалось всего 2 лошади и 2 коровы [58]. Кроме того в источниках есть указания на пастбища, огороженные поскотиной и сенокосные угодья с которых получали по 100–300 копен. Археологические свидетельства этой отрасли хозяйства представлены в виде многочисленных костей животных. Определения этого материала позволили сделать вывод о преобладании (80 %) костей домашних животных. По процентному соотношению в стаде доминировали крупный рогатый скот и свинья: 51 % и 38 %. Кости мелкого рогатого скота и лошади малочисленны и составляют лишь 3 % и 7 % соответственно [59]. Такое соотношение домашних животных в стаде свидетельствует о том, что держали большое количество крупного рогатого скота, который разводили в основном для получения молока и мяса. Свиной выращивали для получения мяса и сала, что характерно для структуры хозяйства русских сибиряков XVIII в.

Скотоводческого инвентаря найдено немного, в основном это детали конской упряжи – удила, ременные пряжки, стремя. Костный материал культурного слоя свидетельствует о занятии птицеводством. Разводили кур, уток, гусей. Кроме употребления их мяса в пищу, использовали и для получения яиц. На это указывает находки одного каменного и нескольких глиняных яиц-подкладышей, яичной скорлупы в культурном слое и горшках с поминальной пищей на кладбище. Держали кошек и собак.

Дополнительным, но весьма существенным элементом хозяйства было рыболовство. В описании рыбных ловель Тарского у. на 1705 г. в д. Ананьино упоминаются три разновидности лова рыбы: сетевой, кривдой (вид лова на реке в половодье – кривда небольшая сеть с карманом на длинном шесте, которую ставят близко к берегу, где образуются заводи с омутами и течением) и «зимний лов удою» [60].

Река Иртыш и озеро Ананьино давали большой объем разных видов рыбы, о чем свидетельствуют по данным археологии разнообразные орудия лова, многочисленные кости и чешуя, которые зафиксированы в культурном слое поселения и в заполнении горшков с поминальной пищей на кладбище. Рыбу ловили сетями и неводами, что подтверждается находками деревянного весла, деревянных и берестяных поплавок и разнообразных по форме и весу глиняных и каменных грузил; с помощью разного вида гарпунов (железных, костяных); на удочку – найдены свинцовая блесна и

множество железных крючков разного размера; самоловами с крючками больших размеров; мордужками, изготовленными из прутьев и лучин.

Деревня располагалась в таежной зоне, поэтому охота и сбор даров леса тоже были важной частью системы жизнеобеспечения. Анализ костей из культурного слоя показал большой процент диких животных на Ананьино (около 20 %). Охота имела два выраженных направления: это мясная охота на диких копытных (косуля, лось); пушная охота, где основным промысловым видом был заяц (77 % от всех диких животных), вероятно население Ананьино вело его целенаправленный промысел. Кроме животных охотились на «боровую птицу» (тетерев) [59]. Охотничий инвентарь представлен, в основном, находками костяных и железных наконечников стрел: плоских, трех- и четырехгранных. Обнаружение пуль и пулелейки дает основание предположить использование огнестрельного оружия. Кроме того, существовали и пассивные виды охоты с помощью петель, капканов. Карпологические материалы позволяют сделать вывод о сборе пищевых дикорастущих растений: малины, земляники [61]. Зафиксирована скорлупа кедровых орехов.

К домашним занятиям, свидетельства которых фиксируются в археологическом материале, можно отнести прядение и вязание. Пряли шерсть домашних животных, из которой вязали варежки, носки. Вязальные костяные иглы довольно распространенная находка, есть в коллекции и шерстяные нитки. Известны и швейные принадлежности: игольники из кости и железные швейные иглы. Распространено было плетение сетей с помощью костяных кочедыков и игл, для определения размера ячеи использовали деревянные дощечки.

Несмотря на близость деревни к г. Таре существовало гончарное производство. Обилие керамического материала позволяет проследить разнообразие типов и форм посуды и сделать вывод, что она производилась на месте в домашних условиях и обжигалась в русской печи. На рынке в Таре и у заезжих торговцев покупали, чаще черно- и коричнево- лощеную посуду, реже гончарную с горновым обжигом и поливную.

Судя по заготовкам орудий (наконечники стрел, кочедыки) существовал косторезный промысел.

Археологические материалы позволяют реконструировать элементы досуговой культуры. В коллекции памятника зафиксированы детские игрушки: миниатюрные глиняные сосуды, имитирующие бытовую посуду, и аптекарские флаконы. Несколько таких предметов было найдено в межмогильном пространстве среди детских погребений на кладбище. К детским игрушкам можно отнести лодочки, сделанные из сосновой коры, фрагменты стеклянных шаров и глиняные шарики для пращи, которые находят аналогии в Мангазее [62]. Представителен набор костей для игры в бабки, и глиняных фишек для игры в креймешки (камешки).

Выходом на реконструкцию элементов духовной культуры является погребальный обряд. Кладбище располагалось к юго-западу от деревни за небольшим ручьем. Раскопано 56 захоронений. Погребальный обряд был традиционным для православного населения XVII–XVIII вв. [63]. Хоронили в неглубоких ямах в деревянных долбленых колодах. Умерших укладывали вытянуто на спине, головой на запад. Погребальная одежда, фрагменты которой сохранились благодаря контактам с медными нательными крестами, была из домотканого текстиля [64]. Нательные кресты зафиксированы в 90% могил. Встречены экземпляры с эмалью и позолотой. Интересен поминальный комплекс у группы детских погребений. Он включал глиняные горшки с остатками поминальной пищи, в которую входила рыба и яйца, кроме этого рядом с могилами найдено несколько детских игрушек.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод, что корреляция археологических и письменных источников очень продуктивна для исторических реконструкций. В итоге получилось проследить историю формирования деревни, охарактеризовать ее население, выявить основные хозяйственные занятия. Анализ коллекции артефактов, построение ландшафтной модели памятника и изучение раскопанных построек позволили рассмотреть практически все элементы системы жизнеобеспечения населения деревни Ананьино.

Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.201.

Примечания:

1. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веках (по материалам археологических исследований) / Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Омск: «Издатель-Полиграфист», 2014. 374 с.

2. Миллер Г.-Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сёл, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыш и возле него вверх от города Тобольска

- // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1996. С. 75-99.
3. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 229 с.
 4. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.
 5. Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1981. 270 с.
 6. Шелегина О.Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск: Наука, 1992. 256 с.
 7. Шелегина О.Н. Русские крестьяне Западной Сибири: Особенности материальной культуры в XVIII – первой половине XIX в. // Материальная культура народов России. Новосибирск: Наука, 1995. С. 65-81.
 8. Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири XVIII – начала XX века: (К постановке проблемы). Новосибирск: Изд-во Сибирская научная книга, 2005. 192 с.
 9. Татаурова Л.В. Система жизнеобеспечения сибирской деревни XVII–XVIII вв. по данным археологии: возможности, проблемы, перспективы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. III. С.666-669.
 10. Белов М.И., Овсяников О.В., Старков В.Ф. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Ч. II. 147 с.
 11. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001-2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2008. 296 с.
 12. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея: Кожаные Изделия (Материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2011. 216 с.
 13. Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2002. 194 с.
 14. Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Омск. педагогич. ун-та, 2002. 204 с.
 15. Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 415 с.
 16. Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во «Апельсин», 2008. 440 с.
 17. Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии Омск: Изд-тво Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. 430 с.
 18. Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст: В 2-х томах. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2014. Т. I. 320 с., Т. II. 184 с.
 19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 390–390 об.
 20. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 390.
 21. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 390 об.
 22. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 391 об.
 23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 390 об.–391.
 24. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 391.
 25. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 187 об.
 26. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 187 об.
 27. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3520. Л. 104 об., 105 об.; Д. 3521. Л. 233, 234 об., 236 об.–237.
 28. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3520. Л. 104 об. – 107.
 29. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3520. Л. 107 об. – 108.
 30. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3521. Л. 238 – 238 об.
 31. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3521. Л. 238.
 32. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 154. Оп. 8. Д. 31. Л. 345.
 33. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 154. Оп. 8. Д. 883. Л. 282 об. – 284 об.
 34. Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (КУ Иса). Ф. 16. Оп. 2. Д. 9. Л. 143 об.
 35. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 3521. Л. 233 об. – 236.
 36. Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (КУ Иса). Ф. 16. Оп. 2. Д. 40. Л. 813–814.
 37. Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (КУ Иса). Ф. 16. Оп. 2. Д. 40. Л. 143 об., 814 об.
 38. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 154. Оп. 8. Д. 455. Л. 50.

39. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 154. Оп. 8. Д. 301. Л. 50 об.
40. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 154. Оп. 8. Д. 643. Л. 273–277.
41. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов. Тобольская губерния. – СПб., 1871. – 472 с.
42. Шелегина О.Н. Русские крестьяне Западной Сибири: Особенности материальной культуры в XVIII – первой половине XIX в. // Материальная культура народов России. Новосибирск: Наука, 1995. С. 65–81.
43. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веках (по материалам археологических исследований) / Татаурова Л.В. Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Омск: «Издатель-Полиграфист», 2014. 374 с.
44. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – начало XX в.) Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2002. 144 с.
45. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. М., 1959. № 65: Труды новгородской археологической экспедиции. С. 7–120.
46. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1339. Л.
47. Глушкова Т.Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк-1 и Ананьино-1 // Культура русских в археологических исследованиях Омск, 2008. С. 326–333
48. Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3. Ч. 1. 375 с.
49. Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири. М.: Наука, 1984. 231 с.
50. Колесников А.Д. Омская пашня. Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX веков. Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 1999. 106 с.
51. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 432 с.
52. Корона О.М., Татаурова Л.В. Хозяйственная деятельность населения русских памятников Омского Прииртышья по карпологическим данным // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: «Апельсин», 2011. С. 323–332.
53. Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 229 с.
54. Толпеко И. В. Жернова в материалах русских памятников Тарского Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2014. Т. I. С. 304–307.
55. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1408. Л. 557.
56. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1408. Л. 557.
57. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1408. Л. 560.
58. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 185–187об.
59. Явшева Д. А., Некрасов А. Е., Татаурова Л. В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: «Апельсин», 2008. С. 356–367.
60. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1403. Л. 622–622об.
61. Корона О.М., Татаурова Л.В. Хозяйственная деятельность населения русских памятников Омского Прииртышья по карпологическим данным // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: «Апельсин», 2011. С. 323–332.
62. Пархимович С.Г. Детские игрушки в русских поселениях севера Сибири конца XVI–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях Омск; Тюмень; Екатеринбург: Изд-во «Магеллан», 2014. Т. I. С. 253–267.
63. Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск: «Апельсин», 2010 284 с.
64. Глушкова Т.Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк-1 и Ананьино-1 // Культура русских в археологических исследованиях Омск, 2008. С. 326–333

References:

1. The Adaptation of Russians in Western Siberia in the end of XVI –beginning of XVIII centuries (on the materials of archaeological studies) / Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhomirov K.N., Tikhonov S.S. – Омск: «Izdatel'-Poligrafist», 2014. – 374 p. (In Russian).
2. Miller G-F. Description of Cities, Castles, Forts, Settlements, Big Villages, Villages, Islands, Rivers, Streams, Lakes and other attractions on the Irtysh River and near him up from the city of Tobolsk // Siberia of the XVIII century in travel descriptions of G.-F. Miller / Contr. Ed. N.N. Pokrovskiy. – Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SO RAS, 1996. P. 75–99 (In Russian).

3. Apollova N.G. Economic Development in the Irtysh Region in the end of XVI – first half of XIX centuries. M.: Nauka, 1976. 229 p. (In Russian).
4. Vilkov O.N. Craft and Trade in Western Siberia in XVII century. M.: Nauka, 1967. 324 p. (In Russian).
5. Ethnography of the Russian Peasantry in Siberia in XVII – middle XIX centuries. M.: Nauka, 1981. – 270 p. (In Russian).
6. Shelegina O.N. Essays on Material Culture of the Russian Peasants of Western Siberia in the XVIII – first half of the XIX centuries. – Novosibirsk: Nauka, 1992. 256 p. (In Russian).
7. Shelegina O.N. Russian Peasants in Western Siberia: Features of the Material Culture in the XVIII – first half of the XIX centuries // Material Culture of the Peoples of Russia. Novosibirsk: Nauka, 1995. P. 65-81. (In Russian).
8. Shelegina O.N. The Processes of Adaptation in the Life Support Culture of the Russian Population of Siberia in the XVIII – beginning of the XX centuries (By the statement of the problem). Novosibirsk: Publishing House “Sibirskaya Nauchnaya Kniga”, 2005. 192 p. (In Russian).
9. Tataurova L.V. The System of the Life Support in Siberian Village in the XVII–XVIII centuries according to archeology: opportunities, problems and prospects // Proceedings of IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan. – Kazan: «Otechestvo», 2014. Vol. III. P. 666-669. (In Russian).
10. Belov M.I., Ovsyanikov O.V., Starkov V.F. Mangazeya: Material Culture of the Russian Polar Navigators and Explorers in the XVI–XVII centuries. M.: Nauka, 1981. P. II. – 147 p. (In Russian).
11. Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. Mangazeya: New Archaeological Studies (Proceedings 2001-2004). – Ekaterinburg; Nefteugansk: Publishing House “Magellan”, 2008. 296 p. (In Russian).
12. Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G., Kurbatov A.V. Mangazeya: Leather Products (Proceedings 2001-2007). – Ekaterinburg: Publishing House “Magellan”, 2011. – 216 p. (In Russian).
13. Tchernaya M.P. Tomsk Kremlin in the middle of XVII and in the XVIII centuries. – Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University, 2002. – 194 p. (In Russian).
14. The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. Omsk: Publishing Office of the Omsk Pedagogical University, 2002. – 204 p. (In Russian).
15. The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. Omsk: Publishing Office of the OSU, 2005. – 415 p. (In Russian).
16. The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. Omsk: Publishing House “Apelsin”, 2008. – 440 p. (In Russian).
17. The Culture of the Russians in the Archaeological Studies: Interdisciplinary Methods and Technologies. Omsk: Publishing Office of the Omsk Institute (Branch) of the Russian State University of Trade and Economics, 2011. – 430 p. (In Russian).
18. The Culture of the Russians in the Archaeological Studies: Collected Papers: In Two Volumes. Omsk, Tumen, Ekaterinburg: Publishing House “Magellan”, 2014. Vol. I. 320 p., Vol. II. 184 p. (In Russian).
19. Russian State Archive of Ancient Acts (RSAAA). F. 214. Inv. 1. C. 5. S. 390–390 rev. (In Russian).
20. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 5. S. 390. (In Russian).
21. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 5. S. 390 rev. (In Russian).
22. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 5. S. 391 rev. (In Russian).
23. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 5. S. 390 rev. 391. (In Russian).
24. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 5. S. 391. (In Russian).
25. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1182. S. 187 rev. (In Russian).
26. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1182. S. 187 rev. (In Russian).
27. RSAAA. F. 350. Inv. 2. C. 3520. S. 104 rev., 105 rev.; C. 3521. S. 233, 234 rev., 236 rev.–237. (In Russian).
28. RSAAA. F. 350. Inv. 2. C. 3520. S. 104 rev. – 107. (In Russian).
29. RSAAA. F. 350. Inv. 2. C. 3520. S. 107 rev. – 108. (In Russian).
30. RSAAA. F. 350. Inv. 2. C. 3521. S. 238 – 238 rev. (In Russian).
31. RSAAA. F. 350. Inv. 2. C. 3521. S. 238. (In Russian).
32. State Institution of the Tyumen region "State Archives in Tobolsk" (SITR SAT). F. 154. Inv. 8. C. 31. S. 345. (In Russian).
33. SITR SAT. F. 154. Inv. 8. C. 883. S. 282 rev. – 284 rev. (In Russian).
34. State Historical Archive of Omsk Region (SHAOR). F. 16. Inv. 2. C. 9. S. 143 rev. (In Russian).
35. RSAAA. F. 350. Inv. 2. C. 3521. S. 233 rev. – 236. (In Russian).
36. SHAOR. F. 16. Inv. 2. C. 40. S. 813–814. (In Russian).
37. SHAOR. F. 16. Inv. 2. C. 40. S. 143 об., 814 rev. (In Russian).
38. SITR SAT. F. 154. Inv. 8. C. 455. S. 50. (In Russian).
39. SITR SAT. F. 154. Inv. 8. C. 301. S. 50 rev. (In Russian).
40. SITR SAT. F. 154. Inv. 8. C. 643. S. 273–277. (In Russian).
41. List of Localities According to the 1868-1869 Period. Tobolsk Province. – S.-Pb.: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1871. – 472 p. (In Russian).

42. Shelegina O.N. Russian Peasants in Western Siberia: Features of the Material Culture in the XVIII – first half of the XIX centuries // Material Culture of the Peoples of Russia. Novosibirsk: Nauka, 1995. P. 65-81. (In Russian).
43. The Adaptation of Russians in Western Siberia in the end of XVI –beginning of XVIII centuries (on the materials of archaeological studies) / Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhomirov K.N., Tikhonov S.S.– Omsk: «Izdatel'-Poligrafist», 2014. – 374 p. (In Russian).
44. Mainitcheva A.Iu. Architectural Traditions of the Peasantry in the Northern Part of the Upper Ob: problems of the evolution and the contacts (середина XIX– начало XX в.) – Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SO RAS, 2002. – 144 p. (In Russian).
45. Kolchin B.A. Iron-craft in the Novgorod the Great // MIA. – М., 1959. – № 65: Proceedings of the Novgorod archeological expedition. – P. 7-120. (In Russian).
46. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1339. S. 461. (In Russian).
47. Glushkova T.N. Tissue from the XVII century Russian cemeteries Izyuk-I and Ananyino-I // The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. – Omsk: Publishing House “Apelsin”, 2008. – P. 326-333. (In Russian).
48. Bachrushin S.V. Scientific Works. – М.: Publishing House of the AS of USSR, 1955. – Vol. 3. – Part 1. – 375 p. (In Russian).
49. Vlasova I.V. Traditions of peasant land use in Pomorie and Western Siberia.– М.: Nauka, 1984. – 231 p. (In Russian).
50. Kolesnikov A.D. Omsk Cropland. Settlement and Agricultural Development of the Irtysh Region in XVI – beginning XX centuries. – Omsk: «Izdatel'-Poligrafist», 1999. 106 p.
51. Shunkov V.I. Essays on the History of Agriculture in Siberia (XVII c.). М.: Publishing House of the AS of USSR, 1956. 432 p. (In Russian).
52. Corona O.M., Tataurova L.V. The Economic Activity of the Population of Russian Monuments in Omsk Irtysh Region on Carpological Data // The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. Omsk: “Apelsin”, 2011. P. 323-332. (In Russian).
53. Apollova N.G. Economic Development in the Irtysh Region in the end of XVI – first half of XIX centuries. М.: Nauka, 1976. 229 p. (In Russian).
54. Tolpeko I. V. Millstone in Materials of the Russian Monuments in Tara-Irtysh Region // The Culture of the Russians in the Archaeological Studies: Collected Papers: In Two Volumes. Omsk, Tumen, Ekaterinburg: Publishing House “Magellan”, 2014. Vol. I. P. 304-307. (In Russian).
55. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1408. S. 557. (In Russian).
56. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1408. S. 557. (In Russian).
57. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1408. S. 560. (In Russian).
58. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1182. S. 185-187 rev. (In Russian).
59. Javsheva D. A., Nekrasov A. Ie., Tataurova L. V. Livestock and Hunting of the Russian population in the Irtysh forest-steppe zone // The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. Omsk: Publishing House “Apelsin”, 2008. P. 356-367. (In Russian).
60. RSAAA. F. 214. Inv. 1. C. 1403. S. 622-622 rev. (In Russian).
61. Corona O.M., Tataurova L.V. The Economic Activity of the Population of Russian Monuments in Omsk Irtysh Region on Carpological Data // – Omsk: “Apelsin”, 2011. P. 323-332. (In Russian).
62. Parkhimovich S.G. Children's Toys in the Russian Settlements in the North of Siberia from the end of XVI to the XVIII centuries // The Culture of the Russians in the Archaeological Studies: Collected Papers: In Two Volumes. Omsk, Tumen, Ekaterinburg: Publishing House “Magellan”, 2014. Vol. I. P. 253-267. (In Russian).
63. Tataurova L.V. The funeral Rite of the Russians in the Middle Irtysh XVII-XIX centuries, based on complex Izyuk-I. – Omsk: “Apelsin”, 2010. – 284 p. (In Russian).
64. Glushkova T.N. Tissue from the XVII century Russian cemeteries Izyuk-I and Ananyino-I // The Culture of the Russians in the Archaeological Studies. – Omsk: Publishing House “Apelsin”, 2008. P. 326-333. (In Russian).

УДК 904

**Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв.
(по археологическим и письменным источникам)**

¹Лариса Вениаминовна Татаурова

²Анна Алексеевна Крих

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация
644077, г. Омск, Пр. Мира, 55 а
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: li-sa65@mail.ru

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация
644077, г. Омск, Пр. Мира, 55 а
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: novoselovaa@rambler.ru

Аннотация. В сибиреведении система жизнеобеспечения русского населения пока не стала объектом специального исследования. Отдельные ее элементы рассматривались историками и этнографами, для которых основой реконструкций системы жизнеобеспечения становились архивные материалы XVII–XVIII вв., характеризующиеся фрагментарностью. В последней четверти XX века существенно расширились раскопки памятников Нового времени, но публикации ученых на основе археологического материала тоже характеризовали только части системы жизнеобеспечения. Тем не менее, археологические исследования позволяют по-новому взглянуть на жизнь и быт русских сибиряков. В статье на примере одного из старейших сельских населенных пунктов юга Западной Сибири – д. Ананьино, – предпринята попытка реконструкции системы жизнеобеспечения русских сибиряков в XVII–XVIII вв. на основе корреляции археологических и письменных источников. Архивные материалы позволили проследить появление этой деревни и охарактеризовать ее население, выявить основные хозяйственные занятия (размеры и виды пашни, сенокосные угодья, количество скота и состав стада у отдельных хозяев). Археологические материалы существенно дополняют эти сведения благодаря проведенным палеозоологическим, карпологическим исследованиям. Кроме того, анализ представительной коллекции артефактов, построение ландшафтной модели памятника и изучение раскопанных построек позволили рассмотреть практически весь комплекс материальной культуры и выйти на реконструкцию элементов духовной культуры населения деревни Ананьино. Подобных комплексных исследований для периода XVII–XVIII вв. в Сибири не проводилось.

Ключевые слова: русские Сибири, археология, письменные источники, история формирования деревни Ананьино, система жизнеобеспечения.